

В. В. Борисенко, С. Н. Вашкевич
г. Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

Возникновение общеславянской идеи можно отнести к XVII в., когда изобретатель грамматики общеславянского языка хорват Юрий Крижанич увидел в нем средство для объединения всех славян и расцвета славянской культуры. По мнению советского исследователя Р. О. Якобсона Ю. Крижанич попытался создать *lingua communis* – чисто славянский язык без иностранных заимствований. Выбирая слова и грамматические конструкции, он придавал им такую форму, которая была бы близка всем славянским языкам. Основу лексики составляли слова, общие для всех языков этой группы. Когда же не удавалось найти общего слова, оно заимствовалось из какого-либо конкретного языка [1, с. 44]. Получился как бы «среднестатистический» славянский язык (60 % слов были общеславянского происхождения, 10 % – русские и церковнославянские, 9 % – сербохорватские, 2,5 % – польские, затем – болгарские, украинские и др.). Этот язык позволял и в дальнейшем создавать новые слова из имеющихся элементов [2].

В своих работах Ю. Крижанич писал о том, что будущее принадлежит единой славянской культуре, а угнетаемые народы должны быть освобождены от иноземного ига. В его трудах можно найти достаточно выраженные русофильские идеи: «Болгары, сербы, хорваты и чехи давно уже потеряли не только свое государство, но всю свою силу, язык, разум... Нужна им внешняя сила, чтобы стать на ноги и занять место в числе народов». Такой внешней силой он считал Россию [3, с. 119]. Достичь цели объединения славянства Ю. Крижанич не смог, но оставил ярчайший след в истории, а его идеи нашли свое продолжение и развитие в последующие

столетия. Одним из первых, кто заговорил о «панславизме» Крижанича в конце XIX в. был И. П. Роганович, который вкладывал в этот термин то самое содержание, какое было присуще «панславизму» XIX в. с его политической доктриной [4].

В конце XVIII–XIX вв. славяне, входящие в состав монархии Габсбургов, переживали период, который принято называть «Национальным Возрождением». В это время и происходит окончательное оформление общеславянской идеологии, что во многом было обусловлено расцветом романтизма, идеализацией представлений о славянах и их культуре. Много в этом плане было сделано Иоганном Готфридом Гердером. Он провозгласил славян будущими лидерами Европы, восхищался ими, собирая их фольклор, песни, призывал славянских интеллектуалов развивать родной язык, а не отказываться от него в пользу французского или немецкого. Он настаивал на праве национального и языкового самоопределения славян уже тогда, когда еще ни у чехов, ни у словенцев, ни у болгар не было ни национального самосознания, ни представления о своем независимом будущем: «... у человека, особенно в меньшей степени развитого культурно, нет ничего более значимого и важного, чем язык их отцов. Все его духовное богатство традиций, истории, религии, вся полнота жизни, его сердце и душа хранится в языке народа. Лишение людей их языка или сведение его употребления к минимуму, равнозначно лишению их собственного бессмертного наследия, которое передается от отца к детям» [5, с. 44]. Рассматривая же взаимоотношение славян с соседями, Гердер отмечал, что «многие нации, но больше всего немецкие племена, совершали по отношению к ним тяжелые преступления» [6, с. 635]. Его творчество стало связующим звеном между культурами Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Теоретической базой общеславянской идеологии стала государственная национальная идея, которая стала следствием распространения либеральной политической доктрины на Европейском континенте. В политической мысли начинают складываться представления о том, что у каждой нации должно быть свое собственное государство. В начале XIX в. идеи национального самоопределения становятся крайне популярными в итальянской, немецкой, венгерской общественной мысли. Активизируется движение по объединению Германии, сопровождавшееся зарождением идеологии пангерманизма. В противовес этой идеологии, по мере развития национального самосознания возникали различные доктрины культурного и политического объединения славян, получившие название «панславизм».

Иноземный гнет, угроза ассимиляции, отсутствие равноправия наций в Австрийской империи стали предпосылками для поиска отдельными славянскими народами союзников, способных помочь выстоять против германизаторских тенденций. По отдельности они были слишком слабы для того, чтобы эффективно отстаивать свои интересы, поэтому и родилась идея взаимовыгодного сотрудничества и интеграции всех славянских народов. По мнению О. В. Лебедевой, именно специфический ход чешской истории в XVIII–XIX вв. привел к возникновению различных вариантов славизмов, составной частью которых стали такие черты как утверждение несправедливости существующего положения славянских народов, представления об особом культурно-историческом типе славян и их великом будущем, идеи славянского мессианства по обновлению славянского мира и европейской цивилизации [7, с. 100].

Большое влияние на формирование славянской идеи оказала Великая Французская революция. Провозглашенные во время революции лозунги получили распространение и за пределами Франции. Идеи свободы, равенства и братства были заимствованы чешскими идеологами национально-освободительного движения при разработке теории равноправия всех наций. «Свобода» воспринималась ими не только как отражение государственного конституционного устройства, гарантирующего либерально-демократические ценности и права личности каждого гражданина, но и в качестве символа полноценного развития каждой национальной общности, составлявшей австрийское государство.

Крупные европейские политические конфликты и войны начала XIX в. усилили национально-освободительное движение и способствовали активизации общественно-политической мысли. Многие аспекты всеславянской идеи начинают переосмысливаться по-новому, с целью использовать их для достижений конкретных политических целей. Завоевание независимости британскими североамериканскими колониями и образование США привели к широкому распространению у чешских общественных деятелей идей о возможности федерализма в Австрии.

Формированию русофильской идеологии способствовало возвышение в начале XIX в. России. Пребывание в 1798–1800 гг. в Чехии русских войск под командованием А. В. Суворова во время Итальянского похода и в 1805 в ходе военной кампании против Франции дало толчок

развитию чешского русофильства. «Непосредственное знакомство с российской военной и политической мощью, – по мнению крупного славяноведа Л. П. Лаптевой, – вселяло в славян надежду, что Россия, эта могучая и единственно свободная славянская держава, может способствовать их национальному освобождению» [8, с. 80]. Вера в Россию, которое как сильное и независимое государство станет потенциальным освободителем славян, способствовало формированию основы культурного и политического панславизма и панруссизма. Эти идеи стали составной частью активно эволюционировавшей славянской идеологии вплоть до Польского восстания 1830–1831 гг. В свою очередь Россия проявляла большой интерес к славянским народам Австрии, ученые-слависты приезжали сюда для изучения славянских языков, культуры и истории, были налажены научные контакты с чешскими учеными и общественными деятелями, покупалась славянская литература для научных библиотек, в высших учебных заведениях преподавалось славяноведение. В результате славянское движение на этом этапе рассматривало Россию как единственную заступницу славянских интересов [9, с. 113].

Важное значение имела деятельность словацкого ученого Яна Геркеля, целью которого было «Unio in Litteratura inter omnes Slavos, sive verus Panславизм» («Единение в литературе между всеми славянами, или истинный панславизм»). Именно он впервые использовал термин «панславизм». В результате родиной панславизма считается Словакия, хотя идеи интеграции и сотрудничества в различных формах появлялись в Чехии и других славянских землях задолго до появления произведений Я. Геркеля. При этом Геркель придает панславизму сугубо литературное содержание. Обосновывая необходимость создания общеславянского языка, он писал: «Не только славянские народы проявляют искреннее стремление к общему славянскому письму, которое бы наконец, как верный ключ, открыло простор широко распространенной славянской речи. Славянские народы ведет к этому взаимная любовь, что соответствует самой их природе ... и дает возможность легче общаться с 70 миллионами европейцев, которые говорят на этом языке. Поэтому вопреки географической, исторической и политической разобщенности появляется у всех славян стремление к литературному единству, или истинный «панславизм» [10, с. 17].

Это было более чем актуально для пробуждавшегося словацкого национального самосознания, испытывавшего кроме австрийского еще и венгерский гнет. В начале 20-х годов XIX в. усиливается борьба венгров за реформы, в том числе за придание венгерскому языку статуса официального, что делало реальной угрозой мадьяризации славянского населения. Словаки в это время использовали в качестве литературного языка т. н. «библиотчину», т. е. чешский язык протестантской Библии. Складывающиеся обстоятельства подталкивали словаков бороться за собственный язык. Именно здесь раньше всего начали открыто говорить об интеграции с остальными славянами в борьбе за свои права. По мнению С. Честных Я. Геркель понимал враждебность мира, который окружал славянские народы, опасность, которая исходила от турецкого и германского мира. Призывая в своих речах и делах к единству он давал надежду, что славянское единство возможно, и оно будет достигнуто [11]. В этих условиях сформулированная им концепция литературного единства всех славян, названная «литературным панславизмом», стала основой для других общеславянских идей, в том числе политического панславизма не только в Чехии и Словакии, но и в России. Предполагалась «возможность объединения всех славян на основе родства языков, происходящих из общего корня; близости отдельных элементов быта, нравов и обычаев в древности; родственности фольклора и народной культуры, а также схожести некоторых черт литературы в раннехристианский период» [12, с. 5].

Значимое влияние на формирование идеи славянского единства оказала деятельность другого словацкого ученого и поэта – Яна Коллара. Именно благодаря его трудам в лексику широко вошел термин «славянская взаимность». В его известном поэтическом произведении «Дочь Славы» («Slavy dcera», 1824), написанном по-чешски, представлена концепция сближения и единения славянских народов во имя развития их культуры и противостояния внешним угрозам. В 1828 г. увидел свет английский перевод поэмы («The Foreign Quarterly Revue»), который, в свою очередь, послужил источником для французского перевода, через короткое время опубликованного на страницах «Revue Britannique». Каждый перевод политизировал содержание произведения: если в чешском подлиннике рисовалась аллегорическая фигура «Дочери Славы», вобравшей добродетели всех славянских наций, то во французской версии уже вполне отчетливо звучал призыв к тому, чтобы воссоединение некогда распавшейся «Славонии» произошло при самом ближайшем участии России. В русском же переводе статьи из «Revue Britannique», в июле 1831 г. появившемся в журнале «Телескоп», поэма Коллара интерпретировалась следующим образом: «Исполинская дочь Славян, могущественная Россия, <...> когда

соединишь ты в одну рукоять эти разветленные ветви одного корня, когда сольешь в один поток эти расплесканные волны одной крови?» [13, с. 175]. В результате в европейской публицистике за поэтом, закрепилась репутация «панслависта». Стремясь отмежеваться от этого термина, который уже приобрел политическую окраску, Я. Коллар подчеркивал, что понимает «панславизм» лишь как стремление к взаимности, культурному и духовному сближению [14, с. 127].

В трактате «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянской нации» (1836 г.) Я. Коллар разработал программу консолидации духовных сил славян. Рассматривая их как единый народ, он признавал наличие внутри него четырех «племен»: русского, иллирийского, польского, чехословацкого и, соответственно, четырех «наречий». «Славянский народ и культура подобны дереву, которое делится на четыре большие ветви, каждая ветвь цветет и дает собственные плоды, каждая касается и обнимает ветви других, и все они произрастают из одного корня, и вместе образуют единую крону, но ни одна из них не может засохнуть или обломиться, ибо тем самым целое дерево станет чреваточить». Славянская взаимность, по мнению словацкого поэта, это духовный союз, культурное сближение, которые повысят образованность «племени» и тем самым славяне станут оказывать мощное влияние в Европе, ведь их историческое призвание состоит в открытии новой культурной эпохи в развитии человечества [15, с. 48].

Современный российский исследователь Г. В. Рокина считает, что Я. Коллар создал первую целенаправленную теоретическую концепцию славянской общности и конкретную программу духовного единения славянских народов, которая основывалась на понимании славянства как единого целого – «славянской нации», осознании необходимости приостановить процесс ее дальнейшего дробления. «Многоязычие» славянских народов Я. Коллар считал одним из наибольших препятствий на пути их дальнейшего культурного развития. «Для нас жертва любого из наречий не должна быть тяжелой утратой, ибо потерей малого мы можем извлечь большую выгоду» [16, с. 7].

Я. Коллар оказал несомненное влияние на процесс становления и укрепления общеславянского и собственного национального самосознания словаков, на формирование словацкой национальной идеологии. В этом отношении большую роль сыграл выдвинутый Колларом этноязыковой критерий определения нации (народа). В опубликованной в 1822 г. проповеди «О добрых свойствах славянской нации», опираясь на гердеровское положение о языке как основном признаке нации, он писал, что нация – это «общность таких людей, которые объединены узами единого языка, одинаковых нравов и обычаев». Такое понимание нации в отличие от прежнего государственно-институционального выдвинуло на первый план язык как яркий признак национального отличия.

Сама история показала утопичность планов и предложений Я. Коллара, тщетность надежд на совершенствование национальных отношений. При этом очень многие из его конкретных предложений по достижению славянской литературной взаимности нашли своих сторонников и даже были реализованы. По мнению советского слависта В. Матулы, словацкий ученый сформулировал концепцию чехословацкого племени, в основе которой лежало его глубоко скептическое убеждение в невозможности и бесперспективности развития самостоятельного словацкого языка и литературы в существующих исторических условиях неразвитости национальной жизни и растущего гнета со стороны мадьяр [17, с. 63].

Как считает Г. В. Рокина, идеи Я. Коллара сыграли значительную роль в развитии славяноведения, в первую очередь – русского. Его сочинения оказали заметное влияние на формирование взглядов первых русских славистов, их личные контакты, переписка, сотрудничество во многом определили характер начального этапа русского славяноведения. Однако политические интерпретации колларовского наследия – это лишь спекуляцией на его идеях и имени. В этом – трагедия учёного, говорившего и писавшего об одном, но понятого, или, скорее, истолкованного, совершенно иначе [18, с. 88–91].

Таким образом, мы можем констатировать, что общеславянская идеология – явление сложное. Она не была единой, часто входила составной частью в другие политические и общественные теории. Возникнув в XVII в., идея единения славянства несла в себе представления о духовной и культурной общности славянских народов, их этнической и языковой близости. Активное развитие концепций славянского единства относится к началу XIX в., когда у большинства западных и южных славянских народов шло активное формирование национального самосознания.

Список использованных источников

- 1 Якобсон, Р. О. Основа сравнительного славянского литературоведения / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с.
- 2 Кондратьев, Б. Мечта и жизнь Юрия Крижанича / Б. Кондратьев / Мир Эсперанто [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : [view-http://miresperanto.com/o_vseobssem_jazyke/krizhanich.htm](http://miresperanto.com/o_vseobssem_jazyke/krizhanich.htm). – Дата доступа : 23.02.2013.
- 3 Васильев, А. А. История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.) / А. А. Васильев. – Барнаул : «Азбука», 2011. – 316 с.
- 4 Роганович, И. П. Крижанич и его философия национализма / И. П. Роганович. – Казань : Тип. и лит. В. М. Ключникова, 1899. – 85 с.
- 5 Орловская, Е. И. Философия Иоганна Готфрида Гердера как метафизическая основа самоопределения славян / Е. И. Орловская // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию проф. С. Г. Дробязко. – Минск, 2012. – С. 44–45.
- 6 Гулыга, А. В. Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» / А. В. Гулыга // Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977. – С. 612–649.
- 7 Лебедева, О. В. Эволюция славянской идеи в чешской общественной мысли в первой половине XIX в. / О. В. Лебедева // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и Новое время : межвузовский сборник. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 129–139.
- 8 Лаптева, Л. П. История Чехии периода позднего феодализма и раннего нового времени (1648–1849) : учеб. пособие / Л. П. Лаптева. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 132 с.
- 9 Суханек, Л. Славянский мир и Европа / Л. Суханек // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 4. – С. 113–116.
- 10 Рокина, Г. В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. / Г. В. Рокина. – Йошкар-Ола : МГПИ, 1998. – 38 с.
- 11 Честных, С. Как все начиналось [Электронный ресурс] / С. Честных // Панслависть. – 2011. – Режим доступа : http://panslavist.ru/2011/04/history_panslavizm.html. – Дата доступа : 20.02.2013.
- 12 Лаптева, Л. П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. / Л. П. Лаптева // Славянские съезды XIX–XX вв. : сборник статей. – М. : ИСБ РАН, 1994. – С. 4–12.
- 13 Мильчина, В. А. Из полемики 1830-х гг. вокруг панславянской идеи (князь П. Б. Козловский против графа Адама Гуровского) / В. А. Мильчина, А. Л. Осповат // К истории идей на Западе: «Русская идея»; под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, Изд. дом «Петрополис», 2010. – С. 168–183.
- 14 Григорьева, А. А. Балканская политика России и панславизм в 80-е гг. XIX – начале XX вв. / А. А. Григорьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 6. – С. 78–82.
- 15 Павленко, О. В. Панславизм / О. В. Павленко // Славяноведение. – 1998. – № 6. – С. 43–60.
- 16 Рокина, Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. / Г. В. Рокина. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2005. – 30 с.
- 17 Матула, В. Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура / В. Матула // Советское славяноведение. – 1978. – № 2. – С. 58–69.
- 18 Рокина, Г. В. Идея славянской взаимности в России / Г. В. Рокина // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения / редкол. : С. В. Никольский (отв. ред.) [и др.]. – М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. – С. 87–98.